

Глеб Иванович Успенский

**Федор Михайлович
Решетников**

Глеб Иванович Успенский Федор Михайлович Решетников

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=664215*

Аннотация

«...Он сел в чью-то лодку и стал грести вверх, но силы были слабы, лодку несло вниз и прибило к берегу. Здесь, сидя в лодке и доедая остаток хлеба, беглец мечтал и поглядывал на город, как вдруг на него налетел с ругательствами и проклятиями какой-то мещанин и принялся тузить — *не на милость, а на смерть. На лице была кровь, голова страшно болела, волосы лезли.* Скоро вслед за мещанином явилась целая флотилия бурсаков, разыскивавших беглеца, и когда последний убежал от них, они настигли его, связали и безжалостно поволокли по кочкам в бурсу, награждая палочными ударами! В заключение этого тиранства беглецу, по возвращении в бурсу, была задана *баня*, после которой Решетников пластом пролежал в больнице *два месяца.* ...»

Содержание

I	4
II	8
III	12
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Глеб Иванович Успенский

Федор Михайлович

Решетников

(Биографический очерк)

I

Федор Михайлович Решетников родился в г. Екатеринбурге, Пермской губернии, 5 сентября 1841 года. Отец его до женитьбы служил в этом городе дьячком и вел нетрезвую жизнь. Чтобы избавить его от гибели, родной брат, женатый и служивший в екатеринбургской почтовой конторе, женил его на дьяконской сироте, девушке тихой и кроткой, после чего отец Ф. М. вышел из дьячков и поступил также в почтальоны, но пить все-таки не перестал и жил с женой до того плохо, что, когда брат его с женой переехали в Пермь, мать Ф. М., которому было в ту пору около девяти месяцев, не выдержала тяжелой жизни и вскоре ушла вслед за ними.

В Пермь она пришла во время страшного пожара и так была этим испугана, что заболела и умерла; девятимесячный мальчик остался на попечении дяди и тетки; отца же своего он *первый раз* увидал, будучи уже *десяти лет* от роду.

Таким образом, Ф. М. начал жизнь круглым сиротой. Но кроме сиротства, ему почти со дня рождения суждено было испытывать непрерывное влияние материальной бедности и великой нравственной забитости, запуганности окружающей его среды. Бедность материальная в этом кругу была поистине потрясающая. В переписке близких к Ф. М. лиц, в письмах его самого к ним почти постоянно идут жалобы на крайне стесненное материальное положение: «А об огурцах, – как бы в отчаянии неоднократно восклицает дядя Ф. М., – и не поминай!..» «Живу, плачу огромную сумму без чаю, а с чаем нехватает моего жалования...» «Лечиться времени нет, – пишет родной отец Ф. М., – а о таком расходе, чтобы покупать масло (для леченья), дорого; почтмейстер денег не дал!..» «Не можете ли вы одолжить мне три копейки на пиво, *если у вас есть?*» – пишет к Ф. М. его знакомый и друг, а другой весьма серьезно доказывает, что на пятнадцать рублей *в год* жить нельзя. «*Живем между нищими и средними*», – определяет свое положение в одном из писем дядя Ф. М., и определение это вполне верно.

Кроме бедности, всех этих людей крепко пригнетала запуганность перед начальством, которое в сущности хотя и возвышалось над ними не более как на вершок, но могло сделать все, что хотело. В немногих письмах бедного отца Ф. М. эта сила маленького высшего начальства рисуется довольно ярко: «*Не знаю, за что* преследует почтмейстер с самого моего прибытия. Живу как должно; как у денщика или у крепост-

ного, сюртук не слезает с плеч... Я месяца с три *всяко вытягался* для почтмейстера, а он меня так уважил... что лучше нельзя... А живу как денщик...» «Покорно прошу, любезный братец, – говорится в конце того же письма, – чтобы письмо это не узнал кто дальше, не услышал бы почтмейстер наш, *то он меня съест*». Или в другом письме: «Почтмейстер просит, чтобы меня (отца Ф. М.) перевели к нему; *но сохрани меня небесная сила от такого ига; он там вдосталь из меня оставшийся сок вытянет*». Отрывки эти мы привели потому, что в них с полной искренностью высказана та беспомощность перед маленьким высшим начальством, которую испытывали все близкие родственники Ф. М. Все они «вытягаются» перед этим начальством, а начальство из них «вытягивает оставшийся сок», и притом *неизвестно за что*. Все они ходят как сонные, забитые и убитые... «Так и живу, ни здесь, ни там, ни здоровый, ни больной... а лечиться времени нет... *посему* прошу, любезный братец, выпросить у Г. Т., *как пить крепкую водку...*»

Подавленный бедностью, забитостью, этот круг людей «*между нищими и средними*» во всем полагался только на бога, на всевидящее око, о котором в переписке родственников и знакомых Ф. М. упоминается чуть не в каждом письме, и главным образом – на *терпение*. «И верно уже такой рок, – находим мы в письме одного из самых *начитанных* людей этого круга, – что все предвидится только сражаться с терпением, и *хорошо бы было и то, ежели бы тому хотя*

предвиделся *конец*, но ожидать того, по *моему мнению*, не предвидится никакой надежды».

Мы могли бы привести здесь множество примеров, доказывающих громадную, железную силу терпения и глубокую, искреннюю преданность провидению, которыми только и поддерживалась кое-как эта забитая и вконец обезличенная среда; но и приведенных выписок уже достаточно, чтобы видеть, в какой мере среда эта могла благоприятствовать умственному развитию Ф. М.

II

Дядя и тетка Ф. М., ставшие его воспитателями, всецело разделяли как материальные, так и нравственные недостатки своего круга, с тою только разницею, что сам дядя-воспитатель смотрел на свое положение несколько определеннее других. Он не позволял себе иметь «мнений», хотя бы и о том, «что хорошо бы, ежели бы терпению предвиделся конец»; не унывал так, как унывал отец Решетникова, не знавший, «за что-» все это суждено нести. Никаких колебаний мысли в воспитателе Ф. М. не было: из материалов, имеющихся у нас, видно, что человек этот раз навсегда порешил, что надеяться надо только на бога, что бедность и подневольность неизбежны и что терпению конца не будет. Порешив с этим, он всю жизнь, неуклонно и не оглядываясь по сторонам, тянул служебную лямку, тяжким трудом зарабатывая кусок хлеба, и, приняв на свое воспитание маленького Решетникова, не мог воспитывать его иначе, как в приучении к тому же терпению, повиновению, искренно веря, что для него, как для сироты, предлежит та же самая тяжелая забота о куске хлеба и та же самая жизнь «между нищими и средними», в которой «терпение» играет первую роль.

На беду, питомец их с первых дней детства оказался мальчиком бойким, веселым, резвым, обнаруживая необычно-

венную впечатлительность.¹ И с первых же дней обнаружения этой резвости воспитатели, побуждаемые, разумеется, не чем иным, как только желанием своему питомцу добра, стали искоренять эти врожденные в нем и непригодные среди скучного влачения жизни качества. И вот, благодаря тому, что Решетников уродился натурой одаренной, и тому, что одаренные натуры в этом кругу действительно совершенно ненужны, целые *десять* первых *лет* посвящены, со стороны воспитателей, самому тщательному и неусыпному *битью* и *дранью* их воспитанника. Кроме желания ему добра, повторяем, этими бедными людьми не руководило ничто другое; но в то же время нельзя не видеть, что это желание добра выражалось способом поистине варварским. В повести Ф. М. «Между людьми» автор, поместивший в ней множество случаев своей жизни, рисует картину своего детства весьма подробно и обстоятельно, и, читая их, нельзя не дивиться необыкновенной выносливости Решетникова. Били его положительно *за все*, и притом *все*, кто хотел и считал нужным, а иной раз и без всякой надобности. Ребенок везде «лез», и колотили его тоже везде. Дядя принес лубочную картину и стал рассматривать, воспитанника разобрало любопытство, он потянул картину к себе и разорвал пополам... «За это дядя меня так ударил, что я ударился головой об пол; изо рта пошла кровь». Одна «Священная история ветхого и но-

---

¹ Это свойство натуры перешло к Решетникову, повидимому, от матери; она заболела и умерла *от испуга*.

вого завета» с картинами, книга, единственная во всем доме, сколько неисчислимых бед причинила Ф. М. Картинки постоянно привлекали к ней маленького Решетникова, и постоянно, аккуратно каждый раз, как только книга попадала ему в руки, он непременно получал удар этой же книгой в голову. Чтобы отделаться от нее, он засунул ее в печку; книгу вытащили, но за это, – говорит Решетников, – «*дядя долго драл меня ремнем*». Били его также и за то, что он любит сказки, а не молится за отца и мать, которых он никогда не видал. Захочет он, например, подделаться к дяде, оказать ему услугу, чтобы поехать за Каму «рыбачить», примется чистить ему сапоги, чистит и старается до тех пор, пока тетка не выхватит из его рук щетки и не ударит ею по голове. За такие же провинности колотил его весь почтовый двор, где он, так же как и дома, всюду лез, чтобы посмотреть, нет ли где «хороших картинок, хороших книг с картинками?» «Мне нравилось, – говорит он, – все, что я видел в *первый раз*, – *мебель, платье*, и вещь, особенно понравившуюся, я норовил припрятать». Недовольные им, проучив его у себя, на месте преступления, шли, кроме того, жаловаться к воспитателям, которые еще раз учили его за шалости у чужих. «Пес», «ножовое вострее», «балбес», «безрогая скотина» – вот названия, которым величали его в это время все.

Словом, не будь натура Решетникова исключительна, он бы давно мог сделаться вполне забитым, заколоченным ребенком; но у него, в отместку за обиды, развелась злоба и

жажда мести. Впоследствии он сам, вспоминая об этом времени, называет себя – «злое дитя». И действительно, природная даровитость его показала себя в выдумывании удивительнейших мерзостей, которыми он мстил. Ему ничего, например, не стоило засунуть в квашню или кадку с водойдохлую кошку, измазать в грязи чистое, развешанное белье, вытащить из самовара кран, забросить его через забор и распаять самовар. Он сделался истинным божеским наказанием целому двору, истинным врагом всем и каждому; вскоре ему не было другого имени, кроме «вор», «поганая рожа»; его вихры, уши и щеки сделались общим достоянием. Били и ругали все, и он ругал всех, воевал со всеми, запуская камнями, кусался, бил врагов «по лицу», – и в то же время не уставал изобретать еще новые и новые пытки врагам своим. «Лишь только отдерут меня, – говорит Решетников, – я сяду куда-нибудь в угол и думаю: что бы мне еще такое сделать? да так, чтобы не узнал никто?»

III

Это обоюдное безобразие тянулось, как мы уже сказали, десять лет. По временам на маленького Решетникова находили минуты ужаснейшей тоски, он плакал и Думал о том, чтобы «убежать отсюда». Десяти лет (1851 г.) его отдали в бурсу, и, стало быть, к битью воспитателей и соседей прибавилось еще битье училищное, школьное. Переносить все это стало уже решительно невозможно, и тайное желание избавиться от этого мучения определилось в Ф. М. как настоятельная необходимость – «бежать». И скоро Решетников действительно убежал. Прямо из бursы он ушел на колокольню и просидел здесь целый день с раннего утра. К ночи его охватил страх; он убежал с колокольни на реку и здесь ночевал. «Поутру, – говорит Решетников, – я ходил как помешанный от голода». В каком-то рыбацьем шалаше нашел он полковриги хлеба, взял его себе, и тут же, не зная зачем, провертел в лодке дыру, распластал невод, обрезал несколько удочек. «Этот день я провел хорошо, – говорит он в упомянутой повести, – прогуливаясь по траве и по лесу и напевая песни. Я радовался, что я на свободе, что меня никто не стесняет и я могу делать все, что только хочу. Я торжествовал над тем, что я один из всех бурсаков убежал далеко, что их дерут... «Пусть вас дерут!» – говорил я громко и хохотал. Я очень был счастлив и счастливее себя не находил человека; я ду-

мал: «А как хорошо! Ни за что я не пойду отсюда никуда, ни за что не пойду... Я и к дяде не пойду!» Мне ничего не нужно было, хотя и казалось мне, что в каждом кусте дерева кто-то сторожит меня, а на некоторые кусты я даже и смотреть-то боялся. Когда проходил мой страх, я думал: а хорошо бы здесь построить дом. Я бы тогда дядю и тетку взял с собою жить, они *не стали бы меня бить...* Потом мне вдруг захотелось плыть куда-то дальше». Он сел в чью-то лодку и стал грести вверх, но силы были слабы, лодку несло вниз и прибило к берегу. Здесь, сидя в лодке и доедая остаток хлеба, беглец мечтал и поглядывал на город, как вдруг на него налетел с ругательствами и проклятиями какой-то мещанин и принялся тузить – *не на милость, а на смерть. На лице была кровь, голова страшно болела, волосы лезли.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.